Насколько интересные результаты дает сопоставление функции фольклорных эпизодов внутри одного и того же литературного жанра, но в разные периоды его жизни, — видно, например, из публикуемой ниже статьи Д. С. Лихачева „Летописные известия об Александре Поповиче". Отметив, что устный эпос дважды в истории летописания особенно широко вливался в летопись — в XI и в XV вв., — Д. С. Лихачев видит общую причину этого явления в том, что именно в эти моменты летопись, как и устный эпос, наиболее отражает общенародные интересы. Однако самое взаимоотношение летописи и устного эпоса, как определенных форм, в XI и в XV вв. было различным. В момент создания летописи народный эпос имел уже вполне сложившийся вид—„устные летописи" народа были старше его письменной истории. Поэтому „в XI в. фольклор оказывал воздействие и на самую форму летописных записей, имел существенное значение в формировании летописного жанра... В XV в. форма летописи устоялась; устоялась, как вполне отличная, своеобразная, возможно стиховая, и форма эпоса, которая, следовательно, не могла воздействовать на чуждую ей, глубоко отличную летописную форму". Но „с другой стороны, в XV в. устный эпос формировался под влиянием тех же объединительных идей, которые были движущей силой всей русской жизни XV—XVI вв." (стр. 50), и которые, добавим, именно и вовлекли эпические эпизоды в изложение летописца. Восстановленная Д. С. Лихачевым история сюжетов былин об Александре Поповиче показывает их движение „от узко местного к общерусскому", расцвет этого движения в XV в., т. е. представляет полное соответствие тому, что наблюдается и в истории летописания: от местных летописей периода феодальной раздробленности к общерусскому летописанию XV в. „Реальное основание этой общей судьбы некоторых памятников устного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — объединение в единое общерусское централизованное государство местных русских княжеств" (стр. 51).

Разнообразные виды отражений фольклора в древне-русской литературе — факт неоспоримый. Однако антинаучный метод имманентного объяснения литературных явлений из литературных же фактов приводит нередко к тому, что факты национальной истории, лежащие в основе многих древне-русских повестей и сказаний, игнорируются; литература отрывается от жизни, ее создавшей, всюду отыскиваются готовые, сложившиеся устно-поэтические сюжеты или мотивы. В наследие от буржуазного компаративистского литературоведения осталось немало антинаучных попыток возводить древне-русские литературные памятники к таким готовым „бродячим", „странствующим" сюжетам. Решительная борьба с такими пережитками космополитизма в литературоведении — неотложная задача советской науки.

Например, в исторической и повествовательной литературе нередко встречаются эпизоды, рассказывающие о проникновении воинов в лагерь противника то переодетыми, обычно купцами, то скрытыми под какой-